

Шевченко Ольга Геннадьевна

ПОИСКИ ИСТИНЫ И ПРОБЛЕМА ОБОСНОВАНИЯ ЗНАНИЯ

Проблематика статьи связана с теориями истины и вопросами обоснования знания, проявляющимися повсеместно в философии науки. Основное внимание автор акцентирует на преодолении трудностей при обосновании знания путем анализа современных представлений о реальности и возможных мирах. В статье затрагиваются вопросы формирования картины мира как способа познания реальности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/4-2/51.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 4 (10): в 3-х ч. Ч. II. С. 190-195. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/4-2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

- социальное пространство позиционирует личность как конкретного субъекта (социальный слой, группу и т.д.), а социальное время - это современность или не современность.

В свете сказанного правомерны следующие выводы:

- духовный потенциал выступает основой личности, её ресурсом и механизмом развития. Если развитие не происходит, то вместе с падением духовного потенциала начинает деградировать личность, что доказывает, что духовный потенциал - основа личности, поэтому личности без духовного потенциала нет;

- проявления духовного потенциала (внутреннего и внешнего) позволяют определить целостность личности. Под *целостностью личности* понимается способ существования личности, при котором взаимоотношения личностного и социального в самореализации человека, раскрытие всех его сторон приобретают относительно завершённый вид. Эта целостность обеспечивает все основные свойства личности - духовность, активность, интенциональность, благодаря такой целостности личность не обособлена, а включена в жизнедеятельность;

- духовный потенциал - это способ динамического соответствия личности и общества, выступающий как самокорректировка личности и поддержание её на уровне меняющейся проблемности.

Представленный анализ духовного потенциала далеко не завершает раскрытие богатства его содержания, но, тем не менее, формирует некоторый первоначальный этап его целостного философского освоения.

Список литературы

1. **Бородин Н. К.** Человек духовный: монография. Волгоград, 2005. 235 с.
2. **Генисаретский О. И., Носов Н. А., Юдин Б. Г.** Концепция человеческого потенциала: исходные соображения // Человек, 1996. № 4. С. 5-21.
3. **Косьмина Е. А.** Не просто человек...: условия институционализации ценностей человеческой личности // Российское предпринимательство, 2008. № 4 (2). С. 38-42.
4. **Мионов В. В., Иванов А. В.** Онтология и теория познания: учебник. М.: Гардарики, 2005. 447 с.
5. **Проблемы формирования духовности личности в педагогической теории и практике.** М.: Просвещение, 2001. 248 с.
6. **Раушенбах Б. В.** На пути к целостному рационально-образному мировосприятию // О человеческом в человеке. М.: Политиздат, 1991. С. 22-40.
7. **Сартр Ж. П.** Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии / пер. с фр., предисл. В. И. Колядко; примеч. В. И. Колядко и Р. К. Медведевой. М.: Республика, 2004. 640 с.
8. **Солнцева Г. Н., Смолян Г. Л.** Человеческий потенциал: размышления о содержании понятия // Человек. 1997. № 5. С. 108-113.
9. **Христенко М. А.** Духовный потенциал личности: проблемы актуализации: автореф. дисс. ... канд. филос. наук. Волгоград, 2003. 26 с.
10. **Христенко М. А.** Духовный потенциал личности: проблемы актуализации: дисс. ... канд. филос. наук. Волгоград, 2003. 137 с.

PERSONALITY'S SPIRITUAL POTENTIAL: SPECIFICITY AND MANIFESTATION

Nelli Sergeevna Shabanova
Department of Philosophy
Volgograd State University
nellyi.shabanova@mail.ru

The author reveals the content of the notion "personality's spiritual potential" in the context of integrity and its existential value aspects and pays special attention to the peculiarities of the formation and development of spiritual potential as the way of a personality's self-realization both in internal and social (external) worlds.

Key words and phrases: spirituality; personality's spiritual potential; personality's integrity.

УДК 165.4

Проблематика статьи связана с теориями истины и вопросами обоснования знания, проявляющимися повсеместно в философии науки. Основное внимание автор акцентирует на преодолении трудностей при обосновании знания путем анализа современных представлений о реальности и возможных мирах. В статье затрагиваются вопросы формирования картины мира как способа познания реальности.

Ключевые слова и фразы: научная теория; истина; знание; реальность; возможные миры; картина мира.

Ольга Геннадьевна Шевченко, к. филос. н.
Кафедра иностранных языков
Новосибирский государственный технический университет
olga-ivleva@yandex.ru

ПОИСКИ ИСТИНЫ И ПРОБЛЕМА ОБОСНОВАНИЯ ЗНАНИЯ®

Широко обсуждаемые философией науки вопросы о том, что называется научным знанием и что считать истиной, остаются не вполне ясными, и поэтому они актуальны по сей день. Проблемы, противоречия,

всплывающие при рассмотрении этих вопросов, порождают новые пути поиска ответов. Еще кантианцы утвердились во мнении, что никакая логика не способна увеличивать содержания знания. Теории стали считаться не имеющими доказательного обоснования. Э. Гуссерль отмечает тот факт, что наука стоит перед пессимистической перспективой необоснованности, а человек – перед разочарованием в мировоззренческой ценности науки. И. Лакатос подчеркивает невозможность доказательного обоснования теорий, вследствие чего они превращаются просто в иллюзию. Антиреалисты, признав невозможность наблюдать идеализированные объекты, вообще склонны трактовать теоретические построения не истинными и не ложными, а некими инструментами, позволяющими оперировать фактами [19, с. 107]. М. А. Жутиков [4] отмечает качественную деградацию научных предвидений, а их последствия называет колоссальными. Из-за многообразных гипотетических конструкций, используемых в любой науке, возникает важнейшая философская проблема соотношения теоретических объектов реальному положению вещей. Имеют ли гипотетические утверждения объективное значение, или же они представляют собой некоторые субъективные построения ученого? Мы не имеем права приписывать реальное существование тем вещам, которые описываются нами гипотетически. Можем ли мы назвать реальными те вещи, которые описываются предположениями, а не истинными высказываниями?

Эти вопросы, затронутые К. Поппером, требуют детализации и разъяснения. Вообще философское отношение к истине отличается широтой взглядов, и в истории развития науки одни сменяют другие. Что истинно, что ложно, что фундаментально, а потом обрушивается – эти вопросы актуальны, несмотря на многообразие теорий и концепций. Стоит посмотреть на взгляды философов науки и оценить их разноплановость, как становится понятным, насколько нестабилен подход к построению научных теорий вообще.

Так, К. Поппер считает, что изменение научного знания рационально, одна теория приходит на смену другой; Т. Кун отмечает, что изменение научного знания подобно перемене религиозной веры. А. Эйнштейн признает теорию полной, если она дает однозначный ответ о поведении объекта в любой точке пространства и в любой момент времени. Н. Бор, напротив, считает, что вероятностное знание является научным [15, с. 77].

Как отмечает Джеймс, вплоть до 1850 г. каждый верил в то, что науки выражают истины. Однако неверно быстрое умножение теорий поколебало представление об объективности теорий. Х. Й. Зандкюлер говорит, что признание относительности убеждений и истин возникает не на пустом месте и образует конститутивную основу для адекватного философского подхода к современному миру [5, с. 81, 84].

Такие неоднозначные, порой пессимистические представления о науке, однако, нейтрализуются поиском путей выхода и приданием науке рационального основания. И. Т. Касавин, В. Н. Порус [8] высказываются о ценности предпринимаемых усилий в поисках путей к пониманию структуры научных теорий, в поисках единого языка наблюдений, в поисках единого событийного языка.

Е. А. Мамчур напоминает, что, какие бы перипетии не испытывала наука, она никогда не откажется от своей цели – найти истинное знание. Потребность в истине определяется самой структурой человеческого мозга, но эта потребность никогда не удовлетворяется полностью. Чувство неудовлетворенности является двигателем познания [15]. О роли науки в достижении истины говорит и С. А. Лебедев, отмечая внутренние и внешние аксиологические предпосылки науки. Внутренними аксиологическими основаниями являются объективная истина, определенность, точность, доказательность. Они выступают регуляторами законности научной деятельности, критериями приемлемости и качества продуктов научной деятельности. Внешними аксиологическими основаниями являются практическая полезность и эффективность [14].

Какова причина существующей неопределенности в вопросах, связанных с доказательным базисом научных теорий? Вероятно, ответ кроется в нашем восприятии мира и в том, что считается нами реальностью? Так, согласно Н. Гудмену, мир скорее состоит из способов описания мира, нежели из самого этого мира. Им признается существование множественности миров, а это, в свою очередь, ведет к выводу о невозможности существования какого-либо полного описания реальности [6]. Любая ситуация допускает множество различных описаний. Познавательный акт имеет различные описания в различных мирах. Вопрос о том, какое из них объявить истинным, наиболее соответствующим природе реальности, остается нерешенным.

Если посмотреть на историю проблемы отношения к реальности, то, начиная с И. Канта, философия развивалась от идеи уникальной реальности единственного неизменного мира к идее множественности миров. В XX веке квантовая теория лишила науку связности. Наука стала открыта множественности и неопределенности, многие философы стали приветствовать множественность мира [23]. В философии постепенно идет процесс отказа от кажущейся очевидности. Формируются идеи конституирования мира в познании и множественности миров [5, с. 85].

Х. Й. Зандкюлер, продолжая развивать гудменовские идеи, отмечает, что реальность ничего не говорит сама по себе. Пospеть за реальностью нам не удастся. Не существует одного единственного бытия, и мир встречает нас в различных ипостасях [Там же, с. 81, 88]. Реальность не предполагает существование каких бы то ни было критериев истинности.

Выводы из этих рассуждений обоснованы Е. Н. Ищенко. Они представляют из себя следующие заключения: реальность безразлична к нашим описаниям, и нет средств для теоретического описания реальности. Реальность связана с человеческой деятельностью и вытекает из нее, а не представляет собой изначальную данность. Кроме этого, истину познать невозможно, так как нет одной подлинной реальности. Человеческая деятельность является лабораторией по созданию возможной реальности [6].

Но именно через возможное появляется перспектива конституирования мира в познании. Х. Й. Зандкюлер предполагает, что в воображении формируется знание, с помощью которого люди понимают мир, понимая свои собственные миры-версии.

Свою версию познания реальности дает и современный конструктивизм. Его формула познания выглядит следующим образом: реальность не дается непосредственно и не конструируется человеком, а извлекается посредством деятельности. Конструируемые миры требуют такой их реконструкции, при которой стали бы прозрачными внешние обстоятельства и внутренняя логика их создания. Но при конструировании обязательно присутствует произвольность. Однако произвольность сочетается с содержанием знания, которое связано с реальностью. Четыре процедуры сопровождают построение научной реальности: визуализация, когерентизация (новое знание обязательно вплетается в систему старого), конструирование и интерпретация (новый образ реальности переводится на язык повседневности) [19, с. 111-112].

Взгляд на создание реальности описывает М. Планк. Ученый использует определенный принцип при создании версии познания реального мира. Он не имеет в своем арсенале средств для познания реального мира, а обладает только свидетельствами и знаками, которые мир ему посылает. На основе них ученый создает так называемую картину мира (систему понятий и предложений). Ученый вкладывает туда все свои знания и умения так, что, будучи поставленной на место реального мира, она посылает ему такие же личные послания, как и сам мир. Только в этом случае ученый может утверждать, что он познал некую сторону реального мира, хотя это утверждение не может быть прямо доказано [5, с. 87].

Идея о создании картины мира широко распространена. Так, Д. Дэвидсон полагает, что индивидуальная картина мира - это система ментальных концептов. Она образует концептуальную схему. Д. Дэвидсон отождествляет ее с языком. Поэтому истина относительна к включающему в себя данное предложение языку.

Д. Дэвидсон считает возможным существования истинной картины мира - об этом свидетельствует успешная коммуникация. М. В. Лебедев склонен полагать, что чем больше связаны или согласованы между собой наши идеи, тем в большей степени они истинны [13]. Однако, по мнению Д. Дэвидсона, согласие мнений не гарантирует истинности. Мы только предполагаем, что большая часть того, в чем мы согласны друг с другом, истинна. Но мы не можем считать, что знаем, в чем заключена истина. Для того чтобы придать смысл интерпретациям, ученый должен обеспечить максимум согласия, и в этом случае то, относительно чего все согласны, будет, по предположению, истинным [3].

С. А. Лебедев отмечает, что именно картина мира выступает как истинный тип видения наукой ее эмпирических и теоретических объектов, гармонизируя их между собой. Дело в том, что эмпирическое и теоретическое знания никак не влияют друг на друга. Проблема истинности теории не может быть решена сопоставлением эмпирического и теоретического знаний. С. А. Лебедев приходит к выводу, что существует метатеоретический уровень научного знания, который состоит из общенаучного знания и философского обоснования науки. Этот уровень существует в виде картин мира [14].

Л. Витгенштейн искал модель знания языка, которая способствовала бы постижению фактов, а в результате и формированию картины мира. По его мнению, у человека существует личностное знание, «картина мира», усвоенная в детстве. Она оказывается само собой разумеющимся основанием исследования [16, с. 54]. Через исследование логических свойств языка выявляется метод конструирования картины мира. Логика априори устанавливает границы «возможных положений дел». То, что мыслимо, также и возможно. Язык не создает мир, но он задает сетку, которую мы используем, конструируя картину мира.

Переход от классической науки к неклассической сопряжен со сменой философских ориентаций ученых на проблему истинности и объективности знания. Например, в модели истинностного релятивизма Джека Мейланда существуют понятия *абсолютной* и *относительной* истины. Абсолютная истина представляется понятием двухместного отношения между языковыми выражениями и фактами. Относительная истина представлена трехместными отношениями между суждениями, миром и 3-им миром (человеком или ситуацией) [13].

Е. Н. Ищенко отрицает градацию значений истины, которые были раньше возможны из-за предрассудков, связанных с представлениями об одной подлинной реальности [6]. Н. Гудмен метафорически определяет истину не как серьезного и важного хозяина, а как подлинного и исполнительного слугу. Ученый анализирует результаты наблюдений для того лишь, чтобы сделать обобщения. Он ищет систему, а потом выкраивает истину. Истина вообще уступает по важности таким свойствам, как убедительность, компактность, полнота, информативность и организующая сила системы в целом. Знание не может быть вопросом определения того, что является истинным. Прирост знания связан с ростом понимания [2]. К. Поппер и Т. Кун не видят в росте знания кумуляцию истин. Современный конструктивизм вообще стремится преодолеть желание классической теории познания выяснить, что есть истинное, что ложное, и высвобождает субъекта познания от ориентации на истинность знания, на соответствие знания чему-то [19, с. 108].

Тем не менее, на протяжении истории развития философии науки наблюдались попытки выяснить, что есть истина и каким образом ее познать. По мнению М. Е. Соболевой, все возможные варианты понимания истины восходят к Аристотелю и определяют ее как соответствие «речей вещам». Проблема, с которой сталкиваются все теории истины, заключается в том, чтобы определить отношение высказывания к действительности [21, с. 117].

На самом деле, теорий, раскрывающих связь языка и реальности, достаточно много. Одна из самых известных принадлежит Л. Витгенштейну. Познать общие аспекты реальности можно, изучая общие аспекты языка.

Л. Витгенштейн считает, что любые утверждения являются оценкой реальности на основе какого-то «масштаба». Роль масштаба играют правила языковых игр. Именно они определяют, что означает «быть истинным» для предложения, ставя условия его проверки и обоснования. Языковыми играми называются подвижные и живые практики работы языка в самой жизни.

Когда мы придаем предложению статус неопровержимо достоверного, мы тем самым, как показывает Л. Витгенштейн, начинаем употреблять его как правило соответствующей языковой игры и на его основе оцениваем все другие предложения.

Классическая философия искала такие основания знания, которые были бы истинны. Важнейшей ее проблемой было как раз обоснование истинности предлагаемых оснований. Л. Витгенштейн же не рассматривает вопрос об истинности оснований, перенося центр своего исследования на рассмотрение функционирования языковой игры в целом. Он формирует обширный практикум применения языковых игр. Кроме того, как отмечает М. С. Козлова, Л. Витгенштейн понимает важную роль опыта иррационального, не поддающегося не только строго логическому анализу и контролю, но и просто оформлению в высказывание [9, с. 29].

Л. Витгенштейн считал возможным сомнение, проверку и обоснование только в рамках определенной языковой игры и при условии следования ее правилам. Но объяснить или обосновать саму «игру» невозможно. Здесь все объяснения превращаются в простые описания: это так, потому что так принято в нашей «игре»; если вы попрактикуетесь в ней, то поймете, что иначе в нее «играть» нельзя.

Достоверные утверждения характеризуются не своим бесспорным обоснованием, а тем, что они принимаются как правила наших языковых игр. Конечной инстанцией в обосновании языковых игр является жизнедеятельность людей, которая так или иначе связана с объективным устройством мира. Языковая игра понимается как определенный вид деятельности. Поэтому и основания языковых игр поддерживаются, в конечном счете, деятельностью [22]. Таким образом, языковая игра представляет аналитический метод прояснения языка и высвечивания его функций. Это модели использования языка, поэтому скрытое в статике языка высвечивается в его действии [10, с. 5-25].

Говоря об отображении реальности посредством языка, мы придерживаемся основного принципа Л. Витгенштейна, который гласит, что должно быть что-то общее между структурой предложения и структурой факта (как бы ни был построен язык). В этом случае предложение сможет утверждать факт. Структурно-смысловым скелетом предложения является его логическая форма. Именно она связывает материальную структуру знака с мыслимым содержанием предложения и с отображаемым фактом. Благодаря этому логическая форма предложения является его формой отображения реальности [11, с. 8].

Форма отображения есть то, что приобщает образ к действительности: образ способен отображать любую действительность, форму, которую она имеет; образ похож на масштаб действительности, что делает возможным истинное или ложное ее отображение. Предложения как будто бы совсем не похожи на образы, так как язык «переодевает» мысли. В повседневном языке логическая форма мыслей скрыта. Предложение не может в языке выразить свою логическую форму [1, с. 84-85].

По мнению М. Н. Эпштейна, мысль относится к слову как потенциальное к актуальному. Слово погружено в мысль, растворяется в ней, начинает источать новые и новые смыслы. Здесь большое значение приобретает «вероятностная модель языка» В. В. Налимова, который сопоставляет дискретность языка с непрерывностью мышления. Непрерывные потоки мышления размывают значения слов, придают им вероятностный характер. Мысль актуализируется в языке, язык актуализируется в речи, речь в действиях, действия - в вещах. Но каждая последующая актуализация обнаруживает недостаток [24, с. 113].

По мнению В. В. Налимова, мы познаем мир, распознавая образ, затем мы подыскиваем ему слово. В языке с каждым знаком связано множество смысловых значений. Можно говорить об априорной функции распределения смысловых значений знака. Об этом говорил и Л. Витгенштейн, а именно о том, что смысл слова задается, в том числе, и априорным знанием. Эта априорная вероятность создает вход в систему восприятия читаемого текста. Мы не можем даже смутно уловить смысл слова, если с ним не связана априорная функция распределения. Априорная функция распределения смысла слова - это как бы подготовка к эксперименту, осуществляемому в речевом поведении путем построения фразы [17, с. 82-110].

Возвращаясь к теориям истины, Р. Карнап строит свою систему на семантическом определении вероятности как степени подтвержденности одного высказывания другим. Р. Карнап предлагает вводить определения терминов теоретического языка, он называет их «правилами соответствия». Но так как определения являются условными соглашениями о значении терминов, к ним нельзя применять характеристику истинности.

Истина - утверждают ученые - это истина, которая имеет место во всех возможных мирах. Р. Карнап не считает возможным говорить о замене понятия истинности закона его вероятностью [7, с. 32, 48].

С целью определения общих особенностей мира необходимо изучать то, что делает предложения языка истинными. Д. Дэвидсон предполагает, что если условия истинности предложений поместить в контекст универсальной теории, то получившаяся лингвистическая структура будет отображать общие аспекты реальности. Теория должна показать, каким образом каждое из бесконечного множества предложений можно рассматривать как построенное из конечного числа слов. Опираясь на структуру предложений, нужно задать условия истинности каждого предложения [3].

Н. В. Смолянская [20] обращает внимание на условия истинности высказывания, определяемые Н. Гудменом, а именно на то, что контрфактические высказывания обладают, по его мнению, способностью определять условия «перехода» в новое качество. Контрфактическое высказывание противоречит фактам своим содержанием. Такое высказывание истинно тогда, когда antecedent в соединении с соответствующим истинным предложением о сопутствующих условиях приводит к консеквенту благодаря некоторому истинному принципу. Поэтому, согласно Н. Гудмену, необходимо включить контрфактическое высказывание в контекст, то есть рассматривать условия истинности этого типа высказывания в соответствии с условиями, заданными другими высказываниями.

Метод А. Тарского определяет истину тонким понятием, связывающим предложения с объектами мира. Определение предиката «истинно» считается приемлемым в том случае, если для каждого предложения языка из него следует теорема: «X истинно в языке тогда и только тогда, когда ...», где X - описание предложения, а многоточие - перевод предложения в язык теории.

К. Поппер трактует теории истины, кроме теории А. Тарского, как субъективистские, так как все они относятся к знанию как к ментальному состоянию, к особому виду веры.

М. Е. Соболева анализирует существующие на сегодняшний день теории истины и приходит к мнению, что существуют теории, рассматривающие логико-семантическую верификацию и фальсификацию суждений. Но в этих теориях, по мнению М. Е. Соболевой, отношения между языковой и внеязыковой действительностью утрачивают свою связь, поскольку внеязыковое восприятие вещей полностью исключено [21, с. 118].

Кроме теорий, раскрывающих связь языка и реальности, известны и прагматические теории истины, где критерием истинности выступает успешная практика. Истина формируется через консенсус как убеждение, достигнутое в результате долгого процесса исследования.

В XX веке истину стали рассматривать как относящуюся к самому бытию, а не являющуюся свойством высказывания. Тем не менее, вопрос, как истина становится доступна человеку, остается открытым. Теории действия внесли свой вклад в выяснение возможности истинного познания. Согласно этим теориям, в процессе деятельности люди соприкасаются с истинным бытием внешних вещей, то есть истиной как таковой [Там же, с. 122].

Все теории действия признают, что для понимания истины недостаточно только обращение к миру или только к языку. Только мир и язык в контексте деятельности могут служить основанием для постановки вопроса об истинности и условием ее познания. Как отмечает М. Е. Соболева, при этом еще встает вопрос о роли человека при постижении истины. Человек в данном случае проявляет двойственность: в практической деятельности он непосредственно имеет дело с истиной мира, а в теоретической деятельности это отношение опосредованно и может быть реконструировано в ходе определенных операций [Там же, с. 124].

Таким образом, множество теорий, подходов и концепций относительно познания истины и обоснования знания вообще не снимают существующего напряжения, вызванного потребностью человека в поиске истины. Эта потребность является базисной и определяется не только внутренней логикой научного исследования, но и потребностью Разума бороться с неудовлетворенностью, вызванной незнанием. Всем теориям истины, рассматривающим отношение высказывания к действительности, свойственны некоторые ограничения, которые провоцируют критическое отношение к таким способам постижения истины. Поэтому доказательность, убедительность признаются куда более ценными в научной практике.

Признание множественности миров затрудняет поиск истины. Однако именно через возможные миры ученый строит свою научную деятельность, используя определенные логические процедуры. В целом, с некоторыми вариациями, путь от незнания к знанию выглядит следующим образом. Абстрагируясь от действительности, ученый формирует идеализированные объекты, затем включает их уже в существующую систему знания и смотрит на их сочетаемость. Затем конструируется новая действительность, которая после переводится на научный язык или интерпретируется в терминах научного языка. Более кратко процесс получения нового знания таков: наблюдение, описание, объяснение, обоснование, доказательство.

Картина мира, поставленная на место реального мира и представляющая систему концептов, способна посылать ученому послания, которые можно считать истинными, гармонизирующими все уровни существующего уже знания.

Представляя новое знание, ученый лишь пытается с помощью языковых средств придать ему убедительность, но сказать, что знание истинно, проблематично. Новое знание остается на уровне научной гипотезы, пока новые факты не опровергнут его. Всё это похоже на методологический фальсификационизм К. Поппера, где принимается за основу «непроблематическое исходное знание», которое берется условно как бесспорное на время проверки новой теории. Однако такое знание обладает вероятностью, а было уже давно доказано, что все теории имеют нулевую вероятность, независимо от количества подтверждений [12].

Однако негативная методология К. Поппера встречает резкую критику и опровержение со стороны, например, позитивной методологии И. Лакатоса, согласно которой теории не опровергаются однозначно фактами. Одна теория побеждает другую в силу выбора учеными эффективной методологической программы, и потому что она эффективно прогнозирует будущие факты на основе предшествующих фактов.

В целом, и Поппер, и Лакатос отказываются от понятия истинности научной теории, что порождает взрыв негодований со стороны научного мира. Так, Б. Я. Пахомов на исторических примерах доказывает работу метода единообразия природы и принципа детерминизма и полагает, что отказ от понятия научной истины является преждевременным и нерациональным. По его мнению, элемент гипотетичности никогда не утратит своей важности и не помешает плодотворной и критической деятельности ученого [18, с. 132].

Список литературы

1. **Грязнов А. Ф.** Эволюция философских взглядов Л. Витгенштейна: критический анализ. М.: Изд-во Московского ун-та, 1985. 170 с.
2. **Гудмен Н.** Способы создания миров / пер. с англ. М.: Идея-Пресс; Логос; Праксис, 2001.
3. **Дэвидсон Д.** Метод истины в метафизике [Электронный ресурс] / пер. с англ. А. Л. Никифорова // Метафизические исследования. СПб., 1999. URL: <http://www/philosophy/ru/library/Davidson/meto.html> (дата обращения: 12.03.2011).
4. **Жутиков М. А.** Научная картина мира как фактор его разрушения (взгляд на науку с точки зрения угнетенной природы) // Вопросы философии. 2010. № 10. С. 144-154.

5. Зандкюлер Х. Й. Репрезентация, или как реальность может быть понята философски // Там же. 2002. № 9. С. 81-91.
6. Ищенко Е. Н. Проблема реальности в философском и гуманитарном дискурсе // Вестник МГУ. Серия 7. Философия. 2005. № 2. С. 3-20.
7. Карнап Р. Философские основания физики: введение в философию науки / пер. с англ. и комментарии Г. И. Рузавина. М., 1971. 387 с.
8. Касавин И. Т., Порус В. Н. О некоторых итогах и перспективах анализа науки // Философия науки. М.: ИФ РАН, 1999. Вып. 5. Философия науки в поисках новых путей.
9. Козлова М. С. Витгенштейн: новый образ философии // Вопросы философии. 2001. № 7. С. 25-32.
10. Козлова М. С. Идея языковых игр // Философские идеи Л. Витгенштейна. М., 1996. 160 с.
11. Козлова М. С. Концепция знания в философии Л. Витгенштейна: автореф. дисс. ... канд. филос. наук. Л., 1965. 17 с.
12. Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ [Электронный ресурс]. URL: http://www.i-u.ru/biblio/archive/lakatos_falsifikacija (дата обращения: 28.03.2011).
13. Лебедев М. В. Стабильность языкового значения [Электронный ресурс]. М.: УРСС, 1998. С. 168. URL: <http://www.philosophy.ru/lebedev/texts/stability.html> (дата обращения: 01.02.2011).
14. Лебедев С. А. Уровни научного знания // Вопросы философии. 2010. № 1. С. 62-76.
15. Мамчур Е. А. Релятивизм в трактовке научного знания и критерии рациональности // Философия науки. М., 1999. Вып. 5. Философия науки в поисках новых путей. С. 27.
16. Микешина Л. А. Витгенштейн: проблема веры и достоверности в познании М., 1996. 160 с.
17. Налимов В. В. Вероятностная модель языка: о соотношении естественных и искусственных языков. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1979. 302 с.
18. Пахомов Б. Я. Проблема индукции: Карл Поппер и Имре Лакатос // Вопросы философии. 2009. № 11. С. 123-132.
19. Пржиленский В. И. Идея реальности и эпистемологический конструктивизм // Там же. 2010. № 11. С. 105-114.
20. Смолянская Н. В. Проблема репрезентации в концепции конструирования «возможных миров» Нельсона Гудмена [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=115169> (дата обращения: 15.03.2011).
21. Соболева М. Е. Истина: свойство, оператор, событие? // Вопросы философии. 2008. № 2. С. 117-125.
22. Сокулер З. А. Людвиг Витгенштейн и его место в философии XX в. Долгопрудный, 1994. 170 с.
23. Хайм М. Метафизика виртуальной реальности [Электронный ресурс] // Возможные миры и виртуальная реальность. Серия: Аналитическая философия в культуре XX века: исследования по философии современного понимания мира / сост. В. Я. Друк и В. П. Руднев. М., 1995. Вып. 1. URL: <http://seventh.boom.ru/phil/virtual.txt> (дата обращения: 10.03.2011).
24. Эпштейн М. Н. Философия возможного. СПб.: Алетейя, 2001. 331 с.

SEARCHES FOR TRUTH AND KNOWLEDGE SUBSTANTIATION PROBLEM

O'ga Gennad'evna Shevchenko, Ph. D. in Philosophy
 Department of Foreign Languages
 Novosibirsk State Technical University
 olga-ivleva@yandex.ru

The author reveals the subject matter connected with the theories of truth and the questions of knowledge substantiation manifested everywhere in philosophy of science, pays special attention to overcoming the difficulties while knowledge substantiating with the help of the analysis of the modern ideas about reality and possible worlds and tackles the questions of the picture of the world formation as the way of reality cognition.

Key words and phrases: scientific theory; truth; knowledge; reality; possible worlds; picture of the world.

УДК 130.2:745.5.016.4(470.345)

В статье рассматриваются истоки национального орнамента на территории Окско-Сурского междуречья через призму археологических артефактов. Представлена попытка осмысления древнейших орнаментальных знаков керамики в качестве символа, важного средства регулирования деятельности человека, управления ею, а также как механизма передачи социального опыта.

Ключевые слова и фразы: культура мордовского края; память культуры; орнамент керамики; знак; символ.

Татьяна Алексеевна Шигурова, к.и.н., доцент
 Кафедра культурологии, этнокультуры и театрального искусства
 Институт национальной культуры
 при Национальном исследовательском Мордовском государственном университете им.Н. П. Огарева
 shigurova_tatyana@mail.ru

ИСТОКИ НАЦИОНАЛЬНОГО ОРНАМЕНТА В МОРДОВСКОЙ КУЛЬТУРЕ®

Богатейшая культура мордовского края создавалась в течение тысячелетий усилием воли, напряженным трудом, талантом человека. Несмотря на значительные миграционные процессы, она имела в своей основе